

Ф. А. ДВОРЯНКИН и М. Д. ПОПОВ

ЗА ДАРВИНИЗМ В ПАЛЕОНТОЛОГИИ *

1. Окаменелое отношение к критике

Читая отклики палеонтологов на статью Л. Ш. Давиташвили. «О состоянии советской палеонтологии и перспективах ее развития», невольно спрашиваешь себя: да нужна ли критика нашим палеонтологам?

Каждому в нашей стране понятно, что критика и самокритика нам нужны как воздух и вода, как хлеб насущный, как энергия движения, что критика — это товарищеская помощь, хотя и неприятно чувствовать себя виновным в недостатках.

Надо приветствовать инициативу журнала «Известия АН СССР, серия биологическая», поставившего на обсуждение вопрос о недостатках палеонтологии, о путях ее развития, о главном направлении.

Палеонтология не просто наука о древних существах, как онтология, она — наука о происхождении, наука о фактической истории мира животных и растений. Она предоставляет биологам сельскохозяйственной науки и биологам медицины документальные основания для развития научных представлений об объективных законах эволюции.

Не может быть биологов, равнодушных к судьбам палеонтологии. Она, как самостоятельный раздел биологии, ничем не заменима. Говоря метафорически, она представляет собой экспериментальное поле природы, на котором разворачиваются веками бесконечные возможности формообразования живой материи при самых разнообразных условиях и на основе единых законов развития.

Вскрывая закономерности эволюции, палеонтология дает нам уверенность в неограниченных возможностях искусственного формообразования — селекции растений и животных, с ее воспитанием, гибридизацией и отбором.

Палеонтология вскрывает для нас истинную предисторию мыслящего человеческого мозга; она служит для проверки всех гипотез в биологии, выражает исторический взгляд на природу.

Биологи должны вмешиваться в судьбу палеонтологии и критиковать ее недостатки. Невмешательство было бы обидой для советских палеонтологов.

Но еще раз, нужна ли критика руководящим палеонтологам? Для выяснения этого вопроса придется говорить «начистоту», не очень забывая о пресловутом «академическом» стиле.

Обратимся к фактам, как говорят Ю. А. Орлов и Т. Г. Сарычева, ответившие на критическую статью Л. Ш. Давиташвили.

Палеонтологи ведут счет времени на геологические века. Поэтому можно снисходительно отнестись к их опозданию с обсуждением коренных недостатков своей работы после августовской сессии. Однако они

* Печатается в связи с дискуссией, проводимой журналом «Известия АН СССР, серия биологическая» по вопросам состояния советской палеонтологии и о перспективах ее развития.

и по палеонтологическому счету пропустили пару-другую «геологических переворотов» в толщах биологических представлений, а перевороты эти оказались для них «неожиданными катаклизмами».

Шла годами дискуссия между мичуринскими генетиками и морганистскими генетиками. Никто не слышал веского мнения палеонтологов о том, имеет ли влияние внешней среды на организмы эволюционное, наследственное значение. Молчали палеонтологи.

Проходила дискуссия между советским, мичуринским дарвинизмом и неодарвинистской школой И. И. Шмалгаузена — дискуссия с так называемыми «ортодоксальными» дарвинистами. Философы университета высказались против мальтузианства в биологии. И опять молчали палеонтологи; ни на чью чашу весов они не положили своих окаменелых документов истории.

Прошла дискуссия между советским творческим дарвинизмом и школой проф. С. Г. Крыжановского, взявшей курс на искоренение дарвинизма. И опять молчали палеонтологи.

Шла дискуссия уже в среде советских дарвинистов по вопросу об отношении к работам А. Н. Северцова. Фактически это был спор о значении исторических результатов эволюции для онтогенеза животных и растений, о так называемом «биогенетическом законе». Снова молчали палеонтологи, хотя высказались некоторые философы и даже химики.

Наконец, подняты вопросы прямо о состоянии палеонтологии, об определении современного направления исследований, о расчистке от ошибок старого созерцательного и в немалой мере догматического направления. Молчать уже нельзя.

И вот ведущие палеонтологи заговорили. О чем же они пишут?

О том, что у них имеются кое-какие недостатки... внесенные уклонами критикующего их Л. Ш. Давиташвили. О том, что в палеонтологии, особенно в истории ее, имеются и серьезнейшие ошибки... опять же в трудах критикующего их Л. Ш. Давиташвили. Именно он, по их уверениям, повинен в низкопоклонстве перед иностранной наукой. Это он рвал престиж отечественной науки и не дорожил ее приоритетом. Он сводит успехи советских палеонтологов к нулю. Он ставит не на месте многообразие. Он неравномерно распределяет материал в своей критической статье. Судите об этом сами. Вот, что пишет проф. Ю. А. Орлов о статье Л. Ш. Давиташвили: «Характеристика советской палеонтологии, данная Л. Ш. Давиташвили, совершенно не отражает ее современное состояние и не вскрывает истинных причин отставания палеонтологии от геологии»¹.

Стало быть, критика Л. Ш. Давиташвили пустая и вредная критика.

Допустим, что это так. Тогда вскройте сами истинные причины отставания советской палеонтологии не только от геологии, как пишет Ю. А. Орлов, но и от общей биологии.

Проф. Ю. А. Орлов обещает это сделать, видите ли, только «попутно с критикой ошибочных взглядов Л. Ш. Давиташвили»².

Обратите внимание: целью ставится не разбор в основном причин отставания палеонтологии с попутными замечаниями о неправильных местах в статье Л. Ш. Давиташвили; нет, Ю. А. Орлов поставил целью статьи критику своего критика, с попутными замечаниями по палеонтологии. Огонь по критике!

Таков был сигнал признанного наследника акад. А. А. Борисяка.

Какую же оценку состояния палеонтологии дает сам Ю. А. Орлов?

¹ Ю. А. Орлов, О советской палеонтологии, «Изв. АН СССР, сер. биол.», 1952, № 3, стр. 67 (разрядка здесь и всюду наша.— Ф. Д. и М. П.).

² Там же, стр. 67.

Он говорит, что в области работ по проблеме исторического развития организмов «можно критиковать недостаточно широкий размах подобных работ, их темпы, задержку в опубликовании и некоторые сделанные выводы»³.

А в остальном, критический читатель, все хорошо!

Критика же, данная Л. Ш. Давиташвили,— это «извращение фактов и умаление успехов советской палеонтологии»⁴. Далеко же пойдут палеонтологи с таким отношением к критике!..

Обратимся к справке проф. Ю. А. Орлова о работе в области истории палеонтологии. Читаем следующее: «Историей палеонтологии занимались в основном А. А. Борисяк и Л. Ш. Давиташвили. Серьезные ошибки, вскрытые в работах Л. Ш. Давиташвили, заставляют обратить особое внимание на этот важный раздел советской палеонтологии»⁵.

Есть, значит, такой раздел палеонтологии, где имеются серьезные ошибки,— это история палеонтологии, писанная Давиташвили, это ошибки Давиташвили. У А. А. Борисяка их, повидимому, нет, а Ю. А. Орлов не писал истории. А кто же может возражать против критики ошибок Л. Ш. Давиташвили? Так вот и займемся им и оставим в покое им критикуемых.

Такова тактика этого окаменелого отношения к критике.

Но тот, кто ставит себя вне научной критики, тот ставит себя вне науки, над наукой — в облаках «самому себе равного» чистого бытия в тихом кабинете, вдали от практики.

2. О чистоте в научной полемике и «нечистых» критиках

Проф. Ю. А. Орлов, рассчитывая на невнимательность читателей или сгорая и в страшном раздражении против острой критики, поучает проф. Л. Ш. Давиташвили: «Очевидно, Давиташвили забыл, что настоящей большевистской критике свойственна прямота и объективность, что только такая критика помогает делу и исправляет недостатки»⁶.

Золотые слова! Оставим пока в стороне Л. Ш. Давиташвили; он, может быть, и забывает о прямоте и объективности, но это надо показать! А вот как помнят об этом правиле Ю. А. Орлов и Т. Г. Сарычева — это сразу видно из их статей.

И как же это повелось в некоторых научных дискуссиях! Послушать отвечающих на критику, так они во всем правы.

С чувством искреннего негодования, с пафосом обличения обращаются они против критика, потревожившего экспонаты палеонтологических обобщений. Оказывается, это они инициаторы борьбы с отсталостью, а их критики тянут науку назад. Читатели подготовляются Ю. А. Орловым к тому, чтобы видеть в критике палеонтологии замаскировавшегося рваншиста морганизма. Ю. А. Орлов сообщает, что в 1936 г. «увеличение тела моллюсков он [Давиташвили] объяснял прямым воздействием среды на гены (стр. 193). Он говорил о возможности «направленного мутирования», подкрепляя себя ссылками на работу генетика Иоллоса об изменении окраски глаз у дрозофилы (стр. 194)»⁷.

А так как в своей критической статье Л. Ш. Давиташвили ссылается на эту свою работу, «не внося никаких поправок к выска-

³ Там же, стр. 74.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 81.

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. 75.

занным в ней взглядам и показывая тем самым, что он остается при своих прежних морганистских позициях»⁸, то очевидно, что Л. Ш. Давиташвили не смеет критиковать чистого от генов и незапятнанного дрозифилой палеонтолога. Что должен подумать читатель? — Ага, вот в чем весь фокус! Это морганисты нападают на советских правоверных палеонтологов под видом критики...

Тем более подумаешь это, что в своей статье Ю. А. Орлов не ссылается ни на какие свои работы или работы А. А. Борисяка, которые могли бы показать солидарность этих авторов хотя бы с И. И. Шмальгаузенем... Итак: «елицы оглашенные — из критики изыдите!» Вы недостойны критиковать правоверных.

Но такой ли «морганист» Л. Ш. Давиташвили?

Кому не ясно, что объяснять изменение живого тела прямым воздействием среды на гены в 1936 г. являлось не защитой морганизма, а скорее нападением на основы морганизма, хотя и непоследовательным нападением (сохранение понятия о гене). Кому не ясно, что говорить о направленных, к тому же прогрессивных, мутациях в 1936 г. означало бить по морганизму, отрицавшему возможность направленных мутаций, что должно быть хорошо известно Ю. А. Орлову, хотя бы из работ И. И. Шмальгаузена.

И наконец, если бы Давиташвили тогда признавал гены, означает ли это, что он не двинулся с места с 1936 вплоть до 1952 г. и не смеет критиковать недостатки палеонтологии?

Бы в ш е м у морганисту, пожалуй, еще виднее, где сохранились пережитки морганизма, и если он может нам в этом помочь, — добро пожаловать! Он только исполнит тем свой долг перед наукой.

Простое сопоставление работ Л. Ш. Давиташвили год за годом покажет, что автор их не стоял на месте, а шел к общей позиции с мичуринцами еще до августовской сессии. В этом убеждают даже выписки, сделанные Ю. А. Орловым для уличения Л. Ш. Давиташвили. Неужели другие палеонтологи более правы, чем он, только потому, что никогда не писали о направленных мутациях и сразу «забыли» о гене?

Но разбор взглядов Л. Ш. Давиташвили — это частный вопрос палеонтологической дискуссии. А вот как обстоит дело с главным направлением современной палеонтологии?

Л. Ш. Давиташвили поставил вопрос об этом так: в палеонтологии до сих пор считается основным направление акад. А. А. Борисяка. Приводятся факты, характеризующие ошибки этого направления. Что отвечают на это ученики А. А. Борисяка?

Они отвечают: «Не ваше дело! Сами вы морганист!»

Где тот муж в белоснежных одеждах, который посмеет критиковать ведущих палеонтологов не за то, что они уважают А. А. Борисяка (он достоин уважения), а за то, что они до сих пор придерживаются его созерцательного (в смысле разработки теории) направления?

Очевидно, придется обратиться к данным Ю. А. Орлова и Т. Г. Сарычевой. Они-то, наверное, не говорили о возможностях направленных мутаций!

3. Об учениях А. А. Борисяка и А. Н. Северцова

Нельзя просто выбрасывать все, чему учили старые материалисты.

Что такое старый учитель в науке, создавший признанное направление исследования? Это деятель науки, положивший немало труда, таланта и жизненного опыта в развитие избранной им области научного исследования. Марксизм учит уважать таких деятелей, ценить их труд, использовать их достижения, не отречься от преемственности в

⁸ Ю. А. Орлов, указ. статья, стр. 75.

науке; но он учит также критически относиться к уровню прежних обобщений, к ограниченности философии, руководившей старыми деятелями, и преодолевать их ошибки, предупреждать молодые кадры науки от повторения старых ошибок, преодоленных фактически развитием науки.

Нельзя не уважать прежних деятелей естественно-исторического материализма: это они, а не идеалисты, двигали вперед естествознание; они боролись с идеалистическими заблуждениями в науке по мере своего таланта, темперамента бойца за материализм, по мере своей философской подготовленности. Но они же совершали и ошибки, впадали в погрешности невольного перехода на чуждые им позиции в тех или иных вопросах науки.

Марксизм высоко поднял Дарвина с его теорией естественного отбора, но учит нас относиться критически к дарвинизму, ввиду его дуализма, принятия ошибочной схемы борьбы за существование в духе Мальтуса и отрицания революционной формы движения в органической природе. Если Дарвин подлежит творческой критике и критиковался основоположниками марксизма с самого зарождения дарвинизма, критиковался наряду с поддержкой того, что верно в дарвинизме, то могут быть подвергнуты критическому разбору и наши крупные дарвинисты А. А. Борисяк и А. Н. Северцов, у которых, однако, есть чему и поучиться.

Они ближе к нам по времени, они работали после Дарвина и в значительной части в советский период. Уважая их, нельзя замалчивать их ошибки, их отступления от дарвинизма в сторону соглашательства с противоположным лагерем идеализма. Нельзя поднимать на щит в наше время их биологические учения без серьезной и полной критики их ошибок, так как это означало бы тащить в науку наряду с положительным в их трудах и ошибочное. Это означало бы — погубить, хотя бы на время, и репутацию этих деятелей.

За их ошибки могут ухватиться люди, не желающие прогресса науки. Они сделают своим знаменем их учение, не очищенное от ошибок. Они противопоставят его новому. Критики же основного их дарвинистского о научного направления постараются дискредитировать дарвинизм как метафизику и идеализм, ссылаясь на немалые ошибки этих деятелей и изображая ошибки и отступления как основное в их учении.

Поэтому нельзя не признать, что, например, нашей ошибкой было защищать положительное, дарвинистское в работах А. Н. Северцова без достаточной критики ошибочного в этих работах. Имея в виду защиту исторического взгляда на природу, поняв, что в вопросе о единстве филогенеза и онтогенеза, в вопросе о соотношении роста и развития А. Н. Северцов пошел дальше и глубже, чем Геккель, мы тем не менее оказали медвежью услугу памяти А. Н. Северцова, поднимая на щит его работы без необходимой критики.

А ошибки, заключающиеся в преклонении перед гальтоновской евгеникой (1912 г.), присоединении неодарвинизма к лагерю Дарвина (1922 г.), оппортунистическом отношении к морганистской генетике и отдаче ей на откуп вопросов наследственности — все это и другое действительно было в деятельности А. Н. Северцова. Все это требовало критики со стороны друзей А. Н. Северцова в науке.

Конечно, нельзя, по нашему мнению, смешивать А. Н. Северцова с насадителями вейсманизма. Это было бы извращением истины. Не заслужил этот деятель оценки его как идеалиста и законченного метафизика. Это был дарвинист, боровшийся с витализмом, отмежевавшийся решительно от линии Бэра, считавший единственным источником эволюционных изменений условия существования организмов, изменения их внешней среды, их образа жизни и защищавший исторический взгляд на природу. Это главное.

Нельзя сводить деятельность акад. А. А. Борисяка почти к одним его ошибкам — такое впечатление получается от оценки, данной ему Л. Ш. Давиташвили. Но он прав, когда указывает, например, на то, что Борисяк неправильно ориентирует палеонтологов на труды Осборна, Копа и других антидарвинистских палеонтологов Америки и других стран (Абель). Эти «капиталисты» палеонтологических материалов были нищие теоретическим духом и заядлые идеалисты. Какие откровения могут почерпнуть в их трудах советские палеонтологи? Теорию «тупиков эволюции» в «доктрине неспециализированного» Копа? Идейки о внутреннем психическом стремлении к целесообразным изменениям? Или идею о непознаваемости причин движения от низких форм к высшим?

Призывать учиться у этих «обобщателей» фактов палеонтологии и считать это продолжением пути В. О. Ковалевского — значит и здесь а т ь с я над линией В. О. Ковалевского, обобщения которого просто разграблялись и идеалистически истолковывались дипломированными лакеями фидеизма — американскими идеалистами палеонтологии. Как же не видят «поклонники» В. О. Ковалевского, что именно его обобщениями хвастаются как своими эти зарубежные деятели палеонтологии, извращая их к тому же!

Кто, как не В. О. Ковалевский, указывал на нищету теоретической работы при богатстве собранных палеонтологических коллекций в зарубежных странах? Воскликать, что это Давиташвили зачисляет В. О. Ковалевского в иностранные ученые, значит сваливать с большой головы на здоровую. Он просто списал эту характеристику в свое время у А. А. Борисяка, нашим палеонтологам это хорошо известно.

А каково отношение палеонтологов, критикуемых Л. Ш. Давиташвили, к А. А. Борисяку? Разве его учение не считалось ими до сих пор основным направлением советской палеонтологии? Разве совсем недавно не провозглашалось, что А. А. Борисяк «дарвинизм воспринял и отстаивал с позиций марксизма»?

Хороши «позиции марксизма», если с этих позиций призывают учиться по обобщениям Осборна и Копа! Скажите, что это было ошибкой, недопустимой для советских палеонтологов.

Но справка проф. Ю. А. Орлова должна убедить нас в том, что среди палеонтологов произошел незаметный «геологический переворот» — они эволюционным путем стали мичуринцами и не считают больше А. А. Борисяка главным, ведущим теоретиком советской палеонтологии. Как признает проф. Ю. А. Орлов, «на этом этапе работы и взгляды А. А. Борисяка, как бы значительны они в свое время ни были, скорее являются достоянием истории, чем объектом дискуссии о дальнейших путях палеонтологии»⁹. И даже учение А. А. Борисяка ставится Ю. А. Орловым в кавычки.

А почему бы так? Действительно ли учение А. А. Борисяка не может быть объектом дискуссии? Дарвин жил и умер намного раньше А. А. Борисяка. Перемены и развитие в науке, происшедшие с того времени, отнюдь не мешают критике ошибочных сторон в учении Дарвина, а наоборот, делают особенно необходимой эту критику, так как плоский эволюционизм, односторонний эволюционизм прочно обосновался в литературе и умах биологов.

Почему мы должны считать, что критика ошибок Дарвина должна быть монополей врагов дарвинизма?

И почему следует сдать в исторический музей работы А. А. Борисяка? Не для того ли, чтобы оградить от критики его последователей?

⁹ Ю. А. Орлов, указ. статья, стр. 86.

Вот, например, Т. Г. Сарычева в своей статье «К вопросу о современном состоянии советской палеонтологии» не согласна отступить от учения А. А. Борисяка, хотя тоже ставит его в кавычки.

Обратите внимание, Ю. А. Орлов, на то, что пишет Ваш союзник по критике критиков — Т. Г. Сарычева: «Л. Ш. Давиташвили все недостатки, имеющиеся в палеонтологии, объясняет одним — виноват А. А. Борисяк и его «школа». Мне же кажется, наоборот, что мы освободились бы от этих недостатков быстрее и вернее, если бы по тем или иным причинам не отклонялись в научно-организационном отношении от пути, по которому вел советскую палеонтологию А. А. Борисяк»¹⁰.

Вот вам и «реприманд неожиданный», как говорят у Гоголя.

Оказывается, рано сдавать направление А. А. Борисяка в архив. Значит есть полное основание подвергать дискуссии направление, по которому вел палеонтологию А. А. Борисяк, так как одни палеонтологи считают, что это направление является одной из главных причин отставания теоретической палеонтологии, а другие, наоборот, считают этой причиной отклонение от направления А. А. Борисяка. Как же не обсуждать этот вопрос, а подшить его к архивному «делу»?

Все дело в том, что эти палеонтологи хотят видоизменить свою науку без решающих поворотов, чисто эволюционным путем.

Надо палеонтологам разобраться в том, какое влияние оказывает учение акад. А. А. Борисяка на современные позиции палеонтологов и куда это влияние направляет их поиски и теоретические обобщения. Необходим решительный поворот в биологии.

Нужно подвергнуть беспощадной критике фидеистические, реакционные теории американских и других палеонтологов-идеалистов; надо проследить отражения их взглядов на работах современных советских палеонтологов; нужно очистить советскую палеонтологию от эклектики, от пережитков соглашательства с идеологически чуждыми влияниями.

И нужно беречь и умножать реальные факты палеонтологии, толковать их с позиций диалектического материализма.

Что же делает с критикой ошибок А. А. Борисяка проф. Ю. А. Орлов? Он, который ставит Л. Ш. Давиташвили «всякое лыко в строку» и в горячности или из боязни критики приписывает ему и цитируемое им из работ А. А. Борисяка и обвиняет его с пристрастием во всех смертных грехах, неожиданно находит для худших высказываний А. А. Борисяка всяческие извинения. Приводя одно за другим более чем сомнительные высказывания А. А. Борисяка, Ю. А. Орлов уверяет нас: здесь нет урона престижу отечественной науки, нет низкоклонства перед иностранщиной, нет пренебрежения к приоритету русской и советской науки. Тем самым он берет на себя право амнистировать такие положения, от которых, как он сам правильно говорит, покойный Алексей Алексеевич отказался бы, если бы дожил до нашего времени. Какую же «услугу» оказываете Вы, г. Орлов, памяти А. А. Борисяка?

Вопрос же решается просто. Если Ю. А. Орлов ручается своим научным именем за то, что все это у А. А. Борисяка было правильно, то пусть Ю. А. Орлов перепишет это в свою программную статью о путях советской палеонтологии от своего имени без поправок и многоточий. И если палеонтологи и геологи одобряют такую программу, то можно будет признать, что Давиташвили неправ по отношению к Борисяку. Но что тогда нужно будет сказать об Ю. А. Орлове, поторопившемся сдать в архив учение Борисяка?

Фальшь положения очевидна — нельзя защищать то, что заведомо

¹⁰ Т. Г. Сарычева, К вопросу о современном состоянии советской палеонтологии, «Иzv. АН СССР, сер. биол.», 1952, № 4, стр. 53.

непригодно. Надо сохранить одно научное направление: советский творческий дарвинизм, опирающийся на исторический взгляд на природу, руководствующийся материалистической диалектикой.

4. Какая палеонтология нам нужна?

Нам нужна не созерцательная, а действенная палеонтология; нам необходимо говорящее богатство палеонтологических фактов, а не плюшкинская кунсткамера немых окаменелостей. История живой природы нужна не сама по себе, а для того, чтобы лучше находить пути использования существующей живой природы для строительства и защиты коммунизма.

Ввиду этого палеонтология должна служить геологии, своей производственной базе, и надо решительно прекратить всякие жалобы на то, что из палеонтологии делают «служанку геологии», а из почвоведения «служанку агрономии». Нам не нужны искатели слоновой кости для построения из нее башен «изящной палеонтологии».

Палеонтология — самостоятельная наука об истории живой природы, но она была порождена потребностями и развитием эволюционной геологии. Если палеонтология не будет служить геологии, то она не будет нужна и агробиологам, антропологам и биологам медицины. Палеонтология исследует закономерности эволюционного процесса, изучает порядок изменчивости животных и растений в связи с геологическими изменениями внешней среды организмов на земле.

Палеонтология объединяет историю живой природы с историей закономерного развития земной поверхности, т. е. основы условий существования организмов на земле. Если палеонтологи откажутся служить геологии хотя бы в одной лишь области палеозоологии и палеоботаники высших форм, то биологи будут вынуждены обратиться непосредственно к геологам, чтобы восстановить необходимую историческую связь и тем самым восстановить истинную палеонтологию.

Почвоведы школы акад. Глинки тоже мечтали о «педологии», освобожденной от служения агрономии. Что же вышло? Лучшая часть школы В. В. Докучаева создала на основах его учения агрономическое почвоведение, объявив (В. Р. Вильямс), что это направление — известное как тимирязевское направление — единственно плодотворно, но это же было и докучаевское направление. Разработка теоретических проблем пошла мимо глинкинских «педологов», которые остались в стороне от борьбы сторонников В. Р. Вильямса и И. В. Мичурина за действенное, последовательно материалистическое, освобожденное от мальтузианства почвоведение.

«Педологи» остались теоретически не у дел и после августовской сессии сконфуженно признались в необходимости «поискать» в трудах В. Р. Вильямса те теоретические концепции, «которые оказались столь плодотворными», что агрономический план В. В. Докучаева и В. Р. Вильямса был положен краеугольным камнем в агрономическое основание преобразования степи, приобретая новое качество и необычайный даже для этих деятелей размах и глубину научного замысла и его осуществления.

Таковы уроки «освобождения» педологов от агрономии.

Развитие палеонтологии как биологической науки немыслимо без ее служения геологии. Геология развивает в частности свои физические методы определения возраста и последовательности пластов. Совпадение этих данных с данными палеонтологии придают последним силу неоспоримой объективности; иначе палеонтологи могут попасть в порочный круг со всеми своими родословными.

Ведь метод палеонтологических доказательств в конце концов — косвенный метод. Нельзя недооценивать великую силу косвенных доказательств, так как они проистекают из познания единства объективных законов природы, опираются на основной вывод естествознания — вывод о единстве органической и неорганической природы, вывод, вытекающий из всех связей между явлениями природы, из всех фактов, обобщаемых материалистическим познанием. Но прямые доказательства имеют силу критерия практики, поэтому им принадлежит контроль над косвенными доказательствами — гомологическим сходством, преемственностью между общими чертами приспособления живых существ, различающихся как более низкие и более высокие ступени эволюции.

Вообразить себе отвлеченную палеонтологию, не обслуживающую геологию, это все равно, что мечтать о сортовыведении, не обслуживающем агротехнику, мечтать об «изящной ботанике», над которой так едко издевался К. А. Тимирязев.

Не отрываясь же от служения геологии, палеонтология сможет и должна служить тому целому, частью которого она является, — единой биологической науке.

Палеонтология не может служить геологии, если она отрывается от биологии ныне живущих, используемых и преобразуемых человеком форм. Экспериментальное формообразование — селекция с ее воспитанием, гибридизацией и отбором — показывает палеонтологам то, чего они не могут непосредственно наблюдать на своих объектах: способ действия на наследственность живых тел взаимодействующих с ними условий их существования. Так как человек не может изменять наследственность организмов по своему произволу помимо действия объективных законов развития живой природы, а практика показывает, что человек все-таки изменяет природу растений и животных и создает по своему плану новые породы и виды существ, то это значит, что в его действиях обнаруживаются новые стороны объективных законов природы, что он действует на основе этих законов.

Палеонтологи, изучая явления закономерного изменения человеком живых существ и наблюдая природные изменения ныне живущих форм, получают объективную ориентировку для разгадывания способа действия объективных законов на большом историческом процессе эволюции, получают подход к анализу своих объектов. Открывая же закономерности эволюционного процесса, палеонтологи, со своей стороны, контролируют агробиологов и др., имеющих дело с короткими отрезками процесса эволюции, и оберегают их тем самым от блужданий и крайностей, от «завихрения» в их гипотезах. А на такие заблужденные способы и биологи, считающие себя диалектиками.

Дарвиновское направление палеонтологии было служебным направлением: оно служило целям искусственного формообразования и целям защиты и развития материалистического, атеистического воззрения на природу, было использовано для разрушения легенды о «сотворении видов из праха земного». В чем же именно состояло дарвиновское направление в палеонтологии?

План развития биологии в целом, с непременным участием палеонтологии, был изложен Дарвином в заключительной главе «Происхождение видов», где он пишет следующее: «Откроется громадное и почти непочатое поле исследований над причинами и законами изменчивости, над соотношениями развития, над действием упражнения и неупражнения, над непосредственным действием внешних условий и т. д. Возрастет в громадной степени интерес, представляемый изучением наших домашних пород. Новая разновидность, выведенная человеком, представится более любопытным и важным предметом изучения, чем добавление еще одного вида к бесконечному чис-

лу уже занесенных в списки. Наши классификации превратятся, насколько это возможно, в родословные, и тогда в действительности они представят нам то, что по праву можно будет назвать *планом творения*»¹¹.

Может быть, это можно и надо толковать как-то иначе, но думается, что план Дарвина ясен: изучать родословные не ради общего интереса, а для того, чтобы подойти к тому, что по праву будет *планом творения новых форм*. Для этого нужна не описательная наука, а наука, опирающаяся на практику выведения новых разновидностей и служащая ей, наука, опирающаяся на знание истории живой природы, на понимание закономерностей эволюции.

Именно в таком плане вели работы А. О. Ковалевский, И. И. Мечников и В. О. Ковалевский, вели и самостоятельно, ибо Дарвина пришло опираться и на их труды, и под влиянием Дарвина, ибо они признавали дарвинизм в основном и главном как руководящую общую теорию биологии.

В. О. Ковалевский был создателем основ эволюционной палеонтологии.

В этом же плане вел свои работы Э. Геккель, пропагандируя «метод тройного параллелизма», объясняя, что повторение в онтогенезе стадий филогенеза не абсолютно, а обусловлено физиологической стороной: наследственностью, как воспроизведением себе подобного, и изменчивостью, приспособлением, как основным на питании.

Разве неизвестно, что В. О. Ковалевский и Э. Геккель были союзниками в борьбе против общих противников?

Только враги дарвинизма могут игнорировать Геккеля как ничего не значащую величину в биологии и отдавать его в наследство идеалистам. Это значит забыть об отношении к трудам Геккеля великого Ленина. Но Геккель не был последовательным материалистом, он делал уступки реакционерам, поддерживал социал-дарвинизм. Надо относиться к его трудам сугубо критически, но нельзя его линию в науке смешивать с линией Бэра и других идеалистов, хотя бы уже потому, что он отчаянно дрался за историзм в биологии, за идею о наследовании благоприобретенных признаков. А. Н. Северцов, продолжая ту же линию, во многом преодолел механистические ошибки Геккеля, критиковал его одностороннюю формулу — филогенез есть механическая причина онтогенеза — и перевел сравнительную морфологию на почву признания единства онтогенеза и филогенеза с точки зрения действующих причин, показывая, что, с другой стороны, онтогенез (индивидуальное развитие в целом, а не только эмбриогенез) является причиной возникновения нового, а отсюда изменения направления развития эволюционных рядов. Источник этих изменений — внешняя среда, условия существования живых существ. Неправильно отрицать этот принцип в трудах А. Н. Северцова и считать его насадителем вейсманизма.

Нужно критиковать А. Н. Северцова за проявление элементов низкоклонства перед «страной промышленного эксперимента», за повторение некоторых механистических ошибок Геккеля, за нестерпимо сухую классификацию функций, за туманную, схоластически темную терминологию, за то, что он не связал изменений на последних стадиях развития органов (вызываемых, по его мнению, измененными условиями существования животных) с изменениями на самых ранних стадиях развития зародыша, а также за то, что он изобразил новообразования в свойствах организмов как простые накладки (добавления) на старые свойства.

¹¹ Ч. Дарвин. Происхождение видов, 1952, стр. 447—448.

Но нельзя не признать, что общее направление, им указанное, — заняться онтогенетическими причинами возникновения эволюционных изменений под влиянием среды — было гораздо ближе к принципу наследуемости приобретаемых свойств, чем словесное признание этого принципа наряду с признанием «предопределенного ортогенезиса» или «внутреннего стремления к целесообразным изменениям» в трудах неоламаркистов. А мы признаем, что неоламаркисты, боровшиеся за закон наследуемости свойств, приобретаемых индивидами под влиянием на них внешних условий, были ближе к истине, чем их противники, и защищали интересы науки против неodarвинистов.

Общее требование XX века — заняться вопросами возникновения новых наследственных свойств в онтогенезе имело два противоположных направления: одно из них, даже допуская влияние внешних условий на организмы, признавало за внешними условиями только роль возбуждителя, стимулятора и «отпирателя» автономных внутренних изменений природы организмов, случайных по отношению к закономерному развитию условий существования; другое направление признавало изменения природы организмов неслучайным соответствием изменению условий существования, а закономерным следствием действия этих условий, признавало значение истории развития предков организмов для относительного определения направления изменчивости потомков.

Кому нужно доказывать, что А. Н. Северцов относил свои взгляды ко второму направлению? Известно, что А. Н. Северцов критиковал направление на построение родословных ради самих родословных и ставил задачей выяснение закономерных направлений эволюционного процесса. И в этом смысле он шел в общем дарвинистском направлении (правда, в том числе и с мальтузианскими ошибками старых дарвинистов).

В поисках возможности возникновения изменений на различных стадиях организмов он является предшественником мичуринских дарвинистов, все равно, нравится ли или не нравится кому-либо из них, что в истории биологии были их предшественники, у которых были свои ошибки и от которых современники, видимо, застрахованы.

Тем не менее после коренных, качественных преобразований в биологии, внесенных трудами И. В. Мичурина, И. П. Павлова и В. Р. Вильямса, невозможно ориентировать биологов на устаревшие, ограниченные, недостаточные направления А. Н. Северцова и тем более А. А. Борисяка, который остановился на филогенетических исследованиях.

Таким было направление акад. А. А. Борисяка, к которому законно относится ироническое замечание К. А. Тимирязева по поводу так называемых вкладов в науку: все вкладывают, да вкладывают... а кто же и когда будет все это разгребать?

Л. Ш. Давиташвили прав, называя такое направление кладоискательским.

Нам нужна не кладоискательская ползуче-эмпирическая палеонтология, а наука действенная, теоретически освещающая пути геологии и подпирющая своими фактами и обобщениями дарвинизм, как общую теоретическую биологию, как общую теорию видообразования в природе и в селекционном процессе. Это не палеонтология А. А. Борисяка.

5. О современных биологических проблемах палеонтологии

Самостоятельность палеонтологии, как науки об истории живой природы, определяется ее особым предметом исследования и обусловлена самостоятельностью мышления ее деятелей. Если они будут заниматься не историей живой природы, а, скажем, сортовыведением, то

какие же это палеонтологи? Если они будут учиться у Осборна и Копа, то какая же это будет самостоятельность? Если палеонтология не будет учитывать успехов мичуринской биологии, то как она сможет обслуживать геологию, которой важны и нужны объективные показатели палеонтологов? Какая же будет объективность, если палеонтолог скажет геологу: «Встречающиеся в интересующих вас слоях остатки животных или пыльца растений принадлежат к известным мне формам существ. Но высшие ли это формы или низшие, древнейшие или позже воскресшие в порядке «бессмертия видов» — этого я вам не скажу, да и не узнаю никогда».

Геолог может сказать такому палеонтологу только одно: «Отойдите в сторонку, не путайтесь под ногами, у меня геологоразведка недр, дело производственное».

Антрополог спросит палеонтолога, как он должен относиться к теории К. Э. Бэра о возможности происхождения человека не от приматов. Ведь так именно можно понять факты порождения одними видами других видов? А палеонтолог ответит, что он ничего не может сказать от себя по поводу того, были ли подобные факты в истории живой природы... Не скажет ли тогда антрополог такому палеонтологу: «Отойдите в сторону, у меня важнейшие вопросы предистории человека, я отвечаю за борьбу с ненавистным расизмом и фидеизмом?»

Не может палеонтолог закрыть двери своего музея от шума живой жизни.

Современная биология ставит на очередь дня следующие вопросы, которые нужно решать на основе исторического подхода к живой природе.

Известно еще со времен М. В. Ломоносова, если не с более давних времен, что практики были убеждены в возможности превращений видов: пшеницы в рожь, ржи в костер ржаной, овса в овсюг и т. п. Такая возможность обсуждалась в науке и до Дарвина и во времена Дарвина. Решение вопроса о постепенном дорастании индивидуальной особенности (уклонения, новообразования) до новой разновидности, а разновидности до хорошо обособившегося вида, решение, данное Дарвином, временно погасило интерес к явлениям превращений видов. Однако эти явления были взяты на откуп вейсманистскими мутационистами (Де-Фриз) и виталистскими «имманентными прогрессистами» (Коржинский и др.). Возродился аисторический мутационизм неodarвинистов и виталистов. Оставить ли нам эту проблему аисторическим мутационистам и, признавая лишь одну эволюционную форму движения, не тревожить родословных растений и животных, установленных в больших спорах палеонтологами и морфологами, или взяться, наконец, за разрешение этой проблемы и тем покончить с вековыми блужданиями биологии между двумя альтернативами: или только внезапное мутационное изменение, или только постепенное эволюционное?

Ответ, очевидно, ясен — не оставлять эту проблему морганистам в качестве их монополии; надо решать эту проблему в свете обязательного существования двух форм движения материи — эволюционной и революционной, решать вопрос в свете взаимообусловленности этих форм.

Из фактов же порождения одними растительными видами других видов, ныне же существующих, но относящихся к иным родам (а может быть, и семействам), вытекает как будто следующее:

1. Процесс образования новых видов не одноактовый, а повторяющийся в истории процесс; раз возникшие виды, могут появляться заново — посредством порождения одними, ранее возникшими, видами других видов, тоже однажды уже возникшими.

Подтверждается ли палеонтологическими фактами возможность такого повторного воспроизводства видов?

Палеонтологи не могут молчать по этому поводу — нужно обобщать факты истории.

2. Если возможно повторное влияние «видов-изотопов», то какова закономерность периодичности их возобновления, или здесь нет никакой периодичности, связанной с периодичностью условий существования живого на земле?

Палеонтологи не могут молчать об этом, будто это их не касается.

Ибо если палеонтологи признают возможность такого повторного воспроизведения видов, раз уже возникших в свое геологическое время, то, очевидно, им следует отличать первичное возникновение видов от вторичных появлений. Тогда хронология образования пластов должна видоизмениться, а нахождение остатков тех или иных животных или пыльцы и остатков растений перестает быть безусловным основанием для отнесения пластов к тому или другому времени.

Многие темные места в палеонтологии должны быть разъяснены заново.

3. Факты превращения одних видов в другие (ныне присоединяют к ним: порождение грабом лещины, сосной ели и т. д.) показывают обратимость превращений: рожь может породить ячмень, но ячмень может породить пшеницу и наоборот. Если такие факты возможны, то какие основания для установления истинной генеалогии растений и животных могут быть действительно прочными? Надо рассмотреть этот вопрос заново. Снова встает вопрос о первичном появлении видов в определенной последовательности и возможном вторичном их превращении в иной последовательности.

Надо показать возможность частных возвратов и неуклонность общего восходящего движения в природе.

Жалким будет утешение, что «вид» в палеонтологии это не то, что вид в биологии, чем особенно оперируют палеоботаники.

Если, в прежние времена морфологи, за неизученностью объектов, создавали «сборные» виды, а потом дошли до разделения видов на «линнеоны» и «жорданоны», то эта чисто словесная эквилибристика отвергается современной наукой, требующей точного определения конкретных форм жизни. Зоотехнику и агротехнику нужны не «жорданоны» и «сборные виды», или «царство хаоса», как ранее именовалось большинство видов беспозвоночных. Практике акклиматизации и селекции надо точно знать, что такое вид как определенная форма жизни, на какие формы своего существования — разновидности — она способна, в чем условия сохранения ее постоянства, в чем возможности ее изменения и улучшения?

4. Имеет ли какое-либо отношение к процессу подготовки превращения одних видов в другие накопление (в смене онтогенезов) новых свойств, развитие и совершенствование приспособлений в пределах своего, данного вида, или же вид может порождать другие, и притом любые виды независимо от этого наследования приобретаемых свойств?

5. Имеет ли значение определенная высота уровня общей организации растительного или животного вида для того, какие виды может породить данный вид и какие не может? Если достигнутая в эволюции высота организации не имеет значения для возможных результатов видообразования, то в чем выражается движение в органическом мире от простого к сложному, от низших их форм к высшим?

Как палеонтологи смотрят на эти вопросы?

Разве же им не ясно, что в этих вопросах (в который раз?) ставятся в новой форме старые проблемы науки об истории живой природы.

Вопрос о превращаемости видов — это лишь другая сторона вопроса о возможности или невозможности для «специализированной» формы жизни измениться в иную форму жизни, иначе приспособленную и к иным условиям существования.

Биологи живых форм могут сколько угодно впадать в отчаяние при виде «возвратов» наследственно уже изменившихся форм к старой исходной форме, присущей им до изменения их географической среды. Палеонтология же на убедительных фактах может показать, что периодические «возвраты» формы еще не опровергают истинной необратимости эволюции — движения от низших форм к высшим формам, от амёбы до человека, от беспозвоночных к приматам. Биологи могут сколько угодно метаться от гипотезы к гипотезе по поводу невозможности превращения одной специализированной формы к другой «специализации» жизни. Палеонтологу смешно и зазорно проявить здесь агностицизм, когда изучаемый им исторический процесс показывает тысячи переходов от одних условий жизни к другим условиям, таким несовместимым, как водная среда и суша и т. д.

Только впадающие в отчаяние перед трудностью объяснения новых фактов и потому угнетенные контролем истории живой природы могут обижаться на эту историю и отворачиваться от нее. Она, история живой природы, — объективная реальность, с которой надо считаться, независимо от того, улыбается ли она нашим гипотезам или отворачивается от них. Она контроль для этих гипотез, она, как и экспериментальная практика, может вынести им приговор: нежизненно, не соответствует объективному закону природы. Палеонтология отражает эти свидетельства. Все эти вопросы может решать теоретически мощная советская палеонтология.

Но как может «немая» палеонтология быть свидетельницей событий давней истории, если она не интересуется живо современной историей живой природы и молчит на дискуссиях?

Палеонтология должна стать боевой наукой, активно вмешивающейся в современные дискуссии биологов.

Статья поступила в редакцию
14 XI 1952